

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ЗАВОДСКОГО ПОСЕЛКА НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИКИ)*

Заводские поселки Урала представляли собой оригинальный тип поселений, имели свои особенности планировки и застройки, характеризовались самобытной архитектурой. Одним из первых, кто рассмотрел специфику уральской промышленной архитектуры, был Н. С. Алферов, автор монографии «Зодчие старого Урала». В хронологическом отношении его исследование охватывает XVIII – первую половину XIX в. Он писал: «Так же, как породившие их крупные металлургические заводы, заводские поселки на Урале явились новым дотоле не известным в России типом поселения. Они обладали специфическими чертами, которые определялись и занятиями населения, и административным подчинением заводоладельцам или горной администрации, и, наконец, территориальным единством с производством»¹.

С момента основания доминировало их промышленное назначение, которое определяло весь облик этих поселений, влияя на социально-бытовую инфраструктуру. Менее исследованной является проблема эволюции социально-бытовой инфраструктуры заводских поселений Урала в XVIII – начале XX в. Одним из репрезентативных источников для исследования данной проблемы применительно ко второй половине XIX в. является периодическая печать. Цель предлагаемой статьи – по материалам газеты «Екатеринбургская неделя» – охарактеризовать особенности социально-бытовой инфраструктуры заводских поселений Урала во второй половине XIX в. В этой газете печатались разнообразные по жанрам источники: этнографические и статистические описания, корреспонденция, хроника и публицистика, которые в совокупности позволяют сформировать представление об эво-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 04-01-00462а).

люции социально-бытовой инфраструктуры заводских поселений Урала в рассматриваемый период.

Формирование и развитие социопространственной структуры горнозаводских поселков определялось их географическим положением, функциональным назначением, особенностями генезиса, составом населения и пр. При выборе места для строительства завода учитывался целый ряд факторов: предприятие должно было располагаться поблизости от рудных месторождений и лесных массивов, при небольших реках, на которых можно было бы создать водохранилище. Рекомендовалось строить заводы недалеко от судоходных рек. Наконец, учитывалась заселенность района².

Древнейший на Урале Невьянский завод от своего уездного центра Екатеринбурга располагался по тракту в 96 верстах, а по линии Уральской железной дороги в 86 верстах. Он располагался по обоим берегам (правом – гористом и левом – низменном) несудоходной р. Нейвы, принадлежащей к Обской речной системе. Река делила Невьянск на две почти равные части (западную и восточную). С левой стороны в самом поселении ниже плотины в Нейву впадала небольшая речка Белая³.

Часто заводы строились недалеко от уездных городов, если в остальных отношениях местность была подходящей для развития промышленности. Так, Березовский завод, существовавший с 1754 г., был в 13 верстах от уездного города Екатеринбурга⁴. Каменский завод Камышловского уезда, находившийся на Шадринском почтовом тракте, на пути из Екатеринбурга в Шадринск, отстоял от уездного города Камышлова на 70 верст и от Екатеринбурга на 92 версты. Он располагался на холмистом месте, по обеим сторонам р. Каменки, впадающей с левой стороны в р. Исеть. В старину завод принадлежал Далматовскому Успенскому монастырю⁵. Впрочем, можно привести и иные примеры. Так, далеко от уездного центра отстоял Нязе-Петровский завод, который располагался в 150 верстах к востоку от Красноуфимска, на р. Нязе. Он был основан в царствование Екатерины II купцом Осокиным и назван так по имени реки и Петропавловской церкви⁶.

Для уральских горнозаводских поселков характерно прибрежное расположение. Березовский завод располагался по обоим берегам маленькой речки Березовки, вытекающей из болот, находящихся по восточную сторону озера Большой Шарташ, и впадающей с правой стороны в реку Пышму. Почти посередине за-

водского поселка река Березовка была «спружена». Речка делила поселок на две неравные части: восточную (большую) и западную (меньшую). По свидетельству современников, население восточной части жило богаче, лучше по сравнению с жителями западной части. В окрестностях Березовска находились два больших болота – Шиловское (в пяти верстах от поселения) и Чистое (в трех верстах). Местность располагала к занятию разными промыслами и развитию промышленности. В районе поселения добывалась «кирпичная и горшечная глина и царь металлов – золото». В окрестностях Березовска имелся лес (мелкая поросль). Строевой же лес брали верст за 15–20. В местном лесу водились волки, которые истребляли местный скот⁷.

В Пермском уезде находился Бисерский завод графа П.П.Шувалова. Он располагался на западном склоне Уральского хребта, в средней части бассейна р. Койвы, при устье речки Бисер, в 12 верстах от Уральской горнозаводской железной дороги. Завод существовал с 1796 г. Открытие нескольких богатых рудников способствовало появлению здесь сначала чугунолитейного, а потом и железоделательного завода. По словам очевидца, «окружающие завод «увалы», покрытые хвойными лесами, громадные каменные выступы по берегам рек и самый характер заводских домиков производили на путешественника впечатление уголка, заброшенного на лоно природы». Завод раскинулся по обеим сторонам широкого пруда, далее по течению р. Бисер и до р. Койвы. Рабочие Бисерского завода ограничивались заводскими работами, не занимались земледелием, которое и не могло успешно развиваться в той местности из-за особенностей климата и каменистости почвы⁸.

Вид Нязе-Петровского завода и местного ландшафта, по свидетельству современника, выглядел привлекательно: «...С запада представляется весьма живописный вид: огромная котловина, окруженная со всех сторон горами, занята заводскими строениями. Спустившись с Катайской горы, вы въезжаете на заводскую плотину, довольно широкую и длинную; слева блестит зеркальная поверхность пруда, за которым расположена амфитеатром на горе Тверская улица; справа – громадная площадь, загроможденная дровами и углем для завода; на этой же площади расположены параллельно один другому два ряда фабрик»⁹.

Во второй половине XIX в. некоторые горнозаводские поселки представляли собой весьма крупные поселения, большая часть жи-

телей которых была прямо или косвенно связана с промышленным производством. «При 30 тыс. населении нашего завода, — писал житель Нижнего Тагила, — с тем наличным числом разнообразных зданий и построек, какое в нем имеется, многие полагают, что этот завод стоит наряду уездных городов Пермской губернии». Во второй половине XIX в. население заводских поселков продолжало увеличиваться. Так, если в 1850 г. в Нижнем Тагиле численность жителей составляла 21,1 тыс. чел., то в 1880-х гг. оно уже превышало 30 тыс. Одним из наиболее людных поселений на Урале был Невьянск. В середине XIX в. в нем проживало свыше 10 тыс. жителей, а в 1882 г. — уже 14 170 человек (6616 мужского пола и 7554 женского). По сведениям волостного правления, в Березовском заводе в 1882 г. насчитывалось 12 343 жителя (6015 мужского пола и 6328 женского). В это же время в Каменском заводе проживало 3118 душ мужского пола и 3527 женского, большая часть которых относилась к категории сельских обывателей (это были бывшие горнорабочие-мастеровые и члены их семей — 1820 душ мужского пола и 1935 женского.), а остальные принадлежали к числу купцов, мещан, чиновников и канцелярских служащих. В Каменском заводе насчитывалось 1800 дворов¹⁰. Впрочем, встречались и немногочисленные заводские поселки. Так, в селении при Бисерском заводе проживало «300 с небольшим душ»¹¹.

В застройке заводских поселков главенствовало производственное ядро. На заводской площадке с плотиной и прудом размещались производственные здания различного назначения. В непосредственной близости от заводской площадки строились культовые, административные здания, жилые дома для администрации и рабочих завода, составляя с ней единый архитектурно-планировочный комплекс. Типичными заводами были доменные: например, Каменский (чугунолитейный) и Билимбаевский (чугуноплавильный)¹². Каменский завод с давних пор принадлежал казне, на нем выплавлялся чугун из руд в доменных печах. Часть чугуна поставлялась на Нижне-Исетский завод, а большая часть расходовалась самим заводом на отливку (прямо из доменных печей и ваграночных горнов) артиллерийских снарядов и «разных вещей для казенных горных заводов Екатеринбургского округа и на вольную продажу частным лицам»¹³. Бисерский завод характеризовался типичной застройкой. «Доменная печь старинной конструкции и корпуса других фабрик

примыкали к самой плотине, что всегда можно встретить на заводах, где главным двигателем служит вода», — писал автор заметки о Бисерском заводе, опубликованной в «Екатеринбургской неделе». Завод вынужден был приспособливаться к новым условиям — осенью 1885 г. началась кладка пудлинговых печей с одним паровым молотом, а 25 марта 1886 г. они были пущены в действие при многочисленном собрании служащих и рабочих во главе с управляющими заводами горными инженерами Борисовичем, Фрейлих и Липиным — «с отслужением в стенах новой фабрики водосвятного молебна». После молебна служащим и рабочим было предложено угощение¹⁴. В Нижнем заводе, расположенном в одной версте от Нязе-Петровска (ниже его, при впадении р. Нязи в р. Уфу), кроме фабрик и пильной, не было никаких построек¹⁵.

Украшением заводских поселений являлись церкви. Так, едва ли не вместе со строительством Ревдинского завода был воздвигнут храм во имя трех святителей — Петра, Алексея и Ионы. Позднее в Ревдинском поселке появилась Михаило-Архангельская церковь¹⁶. В Нязе-Петровском заводе взгляд привлекала большая, двухэтажная, каменная церковь, расположенная за плотиной¹⁷. В небольшом Бисерском заводе до конца XIX столетия действовала одна церковь¹⁸.

Как правило, к 1880-м гг. при заводах имелось по несколько церквей. Так, на православное население Каменского завода приходились три церкви¹⁹. В Березовском заводе были приходская каменная церковь, построенная на правом берегу р. Березовки, кладбищенская церковь, тоже каменная, а еще одна деревянная церковь на кладбище, где богослужения не совершались. В это время среди жителей Березовского завода было: православных — 6012 чел. мужского пола и 6325 женского, римско-католического вероисповедания — 1 мужского пола и 1 женского, лютеран — 2 мужского и 2 женского пола. Проживало здесь также 18 старообрядцев, которые переселились сюда из Шарташа и Сарапулки²⁰.

Население поселка при Невьянском заводе включало 10 535 чел. (4855 мужского пола и 5680 женского), принадлежащих к официальной церкви, 2000 единоверцев (871 мужского пола и 1129 женского), 1614 приверженцев староверия (879 мужского пола и 735 женского), 6 католиков (3 мужского пола и 3 женского), 15 мусульман (8 мужского пола и 7 женского). В Невьянске действовало пять храмов: три каменных (православная церковь и

две единоверческих) и два деревянных (на православном и на единоверческом кладбищах). На единоверческом кладбище была еще старообрядческая молешня (каменная)²¹.

В рассматриваемое время в заводских поселках продолжалось церковное строительство. Так, 4 октября 1882 г. в Бисертском заводе произошло торжественное освящение места под строительство каменной церкви во имя Рождества Христова и Успения Богородицы. Оно было совершено благочинным, священником П. Серебряниковым с местным причтом и причтом с. Киргишана. Торжество началось с литургии в местной Христорождественской церкви, после чего благочинный с причтом и крестным ходом направились к месту, выбранному для возведения храма. После молебна с водосвятием в углубление, где предполагалось сделать престол, присутствующие положили серебряные монеты, а благочинный прочел молитву и надпись на мраморной доске о закладке храма, положил эту доску и первый кирпич. По кирпичу положили также председатель комитета по строительству церкви и архитектор. Потом на доску был поставлен деревянный крест, который заложили кирпичами. Присутствовавший на этом мероприятии очевидец делился своими впечатлениями: «Церемония эта казалась торжественностью, небывалой в нашем заводе, и в особенности к тому благоприятствовала и прекрасная погода, бывшая в этот день. Стечение народа на это торжество было очень большое; были также и посторонние из окрестных селений»²².

План и смету на строительство новой церкви составлял архитектор Реутов. На постройку церкви (за исключением расходов на изготовление иконостаса) требовалось 38 000 руб. К тому времени церковный капитал составлял 25 000 руб. Остальную сумму в размере 13 000 руб. обязалось выплатить общество Бисертского завода. Церковь предполагалось построить за шесть лет. Наблюдение за строительством было поручено архитектору Реутову и особому комитету, избранному местным обществом (во главе с Комельковым, который явился инициатором строительства храма и помог со сбором средств)²³.

Возведение церквей предусматривалось «регулярными», в соответствии с которыми строились заводские поселки. В связи с горной реформой 1806 г. строительство на горных заводах Урала, в горнозаводских поселениях и городах выделялось в специальную часть горной администрации и ставилось под руководство

и контроль специалистов-архитекторов. Н. С. Алферов пришел к выводу, что прогрессивные стороны деятельности уральских заводчиков были проверены временем. «Развитие многих заводских поселков и промышленных городов, — писал он, — на протяжении второй половины XIX века и вплоть до эпохи социалистических преобразований шло, как правило, в рамках генеральных планов, составленных в первой половине XIX столетия»²⁴. Так, после опустошительного пожара, случившегося на Верхне-Уфалейском заводе 19 мая 1890 г., в результате которого было уничтожено почти все селение, в основу новой застройки заводского поселка был положен план, утвержденный Уральским горным правлением еще в 1848 г. Было учтено, однако, что скученность построек приводит к опустошительным пожарам. Поэтому предполагалось восстановление по возможности прежних улиц и размещения усадеб, но их расположение должно было осуществляться с необходимыми интервалами в соответствии со строительным уставом и требованиями пожарной безопасности. Сразу после пожара этим занялись местное земство и волостное правление. Многие из местных жителей, в целях рассредоточения жилой застройки добровольно согласились переселиться на новые места, получив за это с прежних соседей, оставшихся на прежних местах и расширивших за счет переселенцев свои усадьбы, определенное вознаграждение. Пришлось переселяться и тем заводчанам, усадьбы которых «по распланированию попали под улицы, площади и огороды других жителей». При этом им выдавалось «усиленное пособие» от комитета помощи погорельцам. За счет новых усадеб, появившихся на окраинах поселка, здесь образовались целые новые улицы. Нашлись, однако, среди верхне-уфалейцев и такие (не более 20-ти чел.), кто отказывался перебираться на окраины, самовольно пытался застроиться на новом месте²⁵. Среди них преобладали состоятельные лица (в основном «прасолы и торговцы»). В числе их оказался и местный торговец, бывший земский гласный и кандидат волостного старшины П. В. Б-в, который в периоды отлучек из поселка старшины управлял волостью. Сначала он дал подписку, что жилых помещений на месте прежней усадьбы строить не будет, а ограничится только торговыми помещениями. Однако на деле, как сообщал автор газетной заметки, он вновь возвел «каменную хоромину» с различными постройками на прежнем месте, хотя по новому плану никаких строений здесь сооружать не предпола-

галось – за счет старой усадьбы Б-ва должна была расширяться церковная площадь. Корреспондент газеты считал необходимым остановить самовольную застройку, убеждая читателей, что, «если не принять в настоящее время энергичных мер против самовольщиков, то зло самовольных построек разовьется и благие, разумные начинания не принесут ожидаемых плодов. Селение опять может принять вид скученных построек, которые до бывшего пожара поражали и удивляли каждого постороннего посетителя Уфалея»²⁶.

Оживленными зонами в заводских поселениях были торговые площади. В Невьянске имелось две торговые площади: на левой стороне р. Нейвы и на правой. На первой, довольно обширной, площади размещался каменный гостинный двор, шубные ряды, рыбные лавки, несколько рядов деревянных лавок с различными товарами. На другой площади (на правой стороне р. Нейвы) располагались мучные и мясные лавки, весы и «обжорный ряд», он примыкал к заведению «на вынос». Здесь останавливались крестьяне, которые приезжали для продажи хлеба и сена. В Березовском заводе была одна торговая площадь, почти вся застроенная лавками, здесь находились «и мясные лавки, и мучные», и «красный ряд». Торжков было два. Кроме того, при домах насчитывалось более 20 лавочек²⁷.

Каменский завод являлся не только промышленным, но и торговым центром. Это был крупный пункт закупки зернового хлеба. Здесь по пятницам и субботам устраивались базары. Кроме того, в течение года проводилось 4 значительных торжка: Трехсвятительский (зимой), Благовещенский (весной), Троицкий (летом) и Артемьевский (осенью, открывался около 20 октября и длился неделю). Гостинный двор в Каменском заводе представлял собой каменное, четырехугольное здание. Большая часть жителей завода в экономическом отношении была тесно связана с местным чугуноплавильным заводом. Кроме того, население занималось кузнечно-слесарным, сапожным, столярно-плотничным, гончарным, портняжным ремеслами, а также кожевенным делом и торговлей. Предметы ремесленного производства сбывались на местном базаре и на торжках в соседних селах. Оборот местной торговли составлял 1 800 000 руб., из которых до 1 млн. руб. приходилось на торговлю хлебом²⁸.

С ростом заводских поселений существенно менялся их облик. Заметно разнятся этнографические описания Невьянска XVIII и

XIX вв. Академик И. Г. Гмелин в XVIII в. писал: «За пределами крепости насчитывается еще около 800 дворов, большинство из которых расположены за крепостью, на западном берегу реки, лишь немногие – на восточном. Дома выстроены в линии, образующие в большинстве своем широкие улицы, сильно сужающиеся в некоторых местах. Улицы чистые во все времена года, несмотря на то, что не имеют ни мостовых, ни мостков; в определенных местах всех улиц сделаны канавы со стоком, а некоторые улицы подняты над уровнем земли за счет насыпей из крупного песка»²⁸. По описанию современника второй половины XIX в., улицы в Невьянском заводе выглядели так: «...Не мощены и деревьями не усажены»; «все почти улицы узки; некоторые буквально завалены навозом; широких и прямых улиц очень мало»³⁰.

В 1955 г. в Невьянском заводе «находилось домов заводских и жителям принадлежащих 2508, в том числе каменных 56, деревянных 2452». В поселке было много различных торговых заведений, «магазинов: винных 2, провиантской 1, питейных домов 3, штофная лавочка 1, ведерная 1, водочных магазинов, питейных выставок 2, ренсковой (для продажи виноградных вин – Е. А.) погреб 1, харчевен 2», а также гостиный каменный двор с 64 лавками, вне гостиного двора располагалась еще 31 деревянная лавка. Из других зданий выделялись почтовая станция, полуэтап (небольшая пересыльная тюрьма), госпиталь»³¹.

Согласно данным периодики, Невьянск быстро рос. За четверть века число каменных домов в Невьянском заводе увеличилось в два раза, в 1882 г. их было 102 (в том числе 1 общественный, 41 частный жилой и 60 частных нежилых). Однако по-прежнему преобладали деревянные здания, число которых также заметно увеличилось – в 1882 г. их было 2627 (в том числе 1 казенное здание, 2 церковных, 2 общественных, 2397 частных жилых домов и 225 частных нежилых домов). Всего же в Невьянске в 1882 г. имелось 2729 домов (в том числе каменных – 1, церковных – 2, общественных – 3, частных 2723). Большинство домов были с тесовыми крышами, железом были покрыты только 161 строение»³².

Во всех заводских поселках большинство строений в заводских поселках были деревянными и выглядели однотипно. Например, в Березовском заводе к 1882 г. насчитывалось только 8 каменных домов и 1853 деревянных: каменных – 6 каменных и 5 деревянных, один общественный деревянный дом, 2 частных каменных и

1847 частных деревянных. По описанию современника, строения были «покрыты по большей части тесом; железом покрыто очень мало и еще меньше – черепицей. Дома расположены прямыми, длиннейшими улицами с узенькими переулками; улицы широкие; среди селения много площадей, на которые сваливают навоз»³³. Планировка улиц в заводских поселениях была различной: реже встречалась близкая к радиальной (Невьянск, Нижний Тагил), чаще применялась система прямоугольной планировки (Сысерть, Верхний Уфалей, Быньговский завод), иногда использовалась смешанная система планировки, обусловленная природно-географическими условиями (Златоуст, Кыштым)³⁴.

Обычно в центре заводских поселений располагались административные и общественные здания, церкви и памятники, дома более состоятельных жителей. В Каменском заводе к их числу относились: волостное правление, контора казенного завода, станова́я квартира, квартира судебного следователя, три церкви, монумент в память освобождения мастеровых от обязательных работ, госпиталь – каменное казенное здание, земская аптека, женская Преображенская община и два училища – мужское (ведомства министерства народного просвещения) со 150 учащимися и женское (земское) с 72 учащимися³⁵. Обилием административных зданий отличался Нижний Тагил, где состав администрации был «таков, какой и не вполне если соответствует уездному городу, то едва ли имеется в таком комплекте в заурядном городе, тем более в каком-либо заводе нашей губернии». «И действительно, – размышлял местный житель, – например, в административном отношении разница от уездного города заключается разве в том только, что в нашем заводе не находится городского и уездного полицейского управления и уездной земской управы, но зато у нас три волостных правления, есть становой пристав с помощником, жандармский чиновник, неперемный член по крестьянским делам приутствия, земский врач, две нотариальные конторы, два судебных следователя, два участковых мировых судьи; есть почтово-телеграфная контора и в нашем же заводе находится уездный съезд мировых судей и при нем товарищ прокурора окружного суда». Росло число нижнетагильских учебных заведений. Тот же современник писал о строительстве общественной школы, которая обошлась заводу в 7 тыс. руб., и желании жителей открыть еще одну школу, для чего требовалось не менее 10 тыс. руб.³⁶

В центре Нязе-Петровского завода, направо от церкви, расположенной за плотиной, размещались рынок, училище и господский дом. Кроме них, на Главной площади и Большой улице находились дома, принадлежащие частным владельцам. Завод принадлежал наследницам Расторгуева³⁷. Из общественно-культурных учреждений в Бисерском заводе были 2 начальных училища (мужское и женское), аптека, которая вместе с фельдшером содержалась за средства завода и земства³⁸.

Были в заводских поселениях заведения и иного характера. «дикости и жестокости» нравов обывателей Мотовилихинского завода писал автор другой заметки, критикуя «поголовное пьянство, буйство, разврат и азартное картежничество». «Действительно – констатировал он, – наша Мотовилиха ничем не может так похвастаться, как кабаками, портерными и прочими местами значными, которыми, к нашему стыду, положительно запружена Главная улица». Особенно возмущали современника «безобразия буйство и драки», учинявшиеся заводской молодежью, которая «по части выворачивания скул, высаживания ребер, практиковалась не только над своим же собратом-рабочим, но и над людьми совершенно не причастными к заводу». Только в начале мая 1891 произошло два убийства: 2 мая – убийство рабочего Н.И.Казакова в драке с местными же заводскими рабочими, 9 мая – убийство Жилова местным сапожником, который так отомстил за свою опозоренную дочь³⁹.

В другой заметке, опубликованной в «Екатеринбургской неделе», речь шла о нападении на жителей Мотовилихинского завода бешеных собак. В частности, сообщалось, что 23 января 1892 ими были покусаны пять человек (трое рабочих, женщина и мальчик); пострадавших отправили на лечение в Москву. По улице Мотовилихинского поселка бегало много бродячих собак. По словам очевидца, бешеные собаки могли иметь «вполне нормальный вид, что вводило обывателя в заблуждение». «Подбежала ко мне собачка, – рассказывал один из пострадавших рабочих, – ласкается; я протянул руку-то ее погладить, – она как меня сапнет, да и побежит». Местной администрации пришлось принять меры по уничтожению бездомных собак⁴⁰.

Развитие социально-бытовой инфраструктуры заводских поселений, как уже отмечалось, обуславливалось, в числе прочих особенностями состава их населения и его хозяйственной деятельности

ностью. Население Невьянского завода в основном состояло из бывших помещичьих и государственных крестьян, первых насчитывалось 12 605 чел. (5838 мужского пола и 6767 женского), вторых – 547 (243 – мужского пола и 304 женского). Остальное население составляли дворяне – 49 чел. (31 мужского и 18 женского пола), духовенство – 40 чел. (19 мужского и 21 женского пола), купцы – 85 чел. (51 мужского и 34 женского пола), мещане – 324 чел. (156 мужского и 168 женского пола), отставных и срочно отпускных солдат с членами их семейств – 505 чел. (270 мужского и 235 женского пола), лиц других социальных категорий – 15 чел. (8 мужского и 7 женского пола). У бывших помещичьих крестьян насчитывалось 266 десятин 308 сажень усадьбы земли, а у государственных – 12 десятин 446 сажень. Пахотной земли у них было около 400 десятин (10,5 по уставной грамоте и «самовольно» распаханной – приблизительно 390 десятин). На правах «давности» за невяняцами числилось 8197 десятин сенокосной земли. В основном невяняцы были задействованы в промышленном производстве и лишь в ограниченных масштабах занимались сельским хозяйством: в 1869 г. ими было засеяно 224 дес., в 1871 г. – 179 дес., в 1872 г. – 178 дес., в 1880 г. – 51 дес., в 1881 г. – 54,5 дес., в 1882 г. – 236,5 дес. (ржи – 30 дес., ярицы – 2,5 дес., овса – 184 3/4 дес., ячменя – 7,5 дес., пшеницы – 11 3/4 дес. Жители Невьянска имели огороды, как правило, небольшие по размерам. В 1882 г. в поселке насчитывалось 2472 огорода. Выращивали картофель, капусту, лук, редьку, свеклу и морковь – «все это в самом незначительном количестве»⁴¹.

Поселок при Березовском заводе также преимущественно был населен мастеровыми и членами их семей (5738 чел. мужского пола и 6046 женского). Кроме того, здесь имелось потомственных дворян – 6 (4 мужского пола и 2 женского), личных дворян – 2 (по одному мужского и женского пола), представителей духовного сословия – 26 (12 мужского пола и 14 женского), купцов – 15 (8 мужского пола и 7 женского), мещан – 112 (55 мужского пола и 57 женского), отставных и срочно отпускных солдат с членами их семей – 380 (187 мужского пола и 193 женского), иностранных подданных – 2 (по одному мужского и женского пола), а также иных лиц, не принадлежащих к перечисленным категориям, – 9 чел. мужского пола и 7 женского.

После Великих реформ березовцы, будучи бывшими горнозаводскими мастеровыми, владели только «усадьбы и покосной

землей». Первой насчитывалось 206 десятин, а второй – 2048 десятин. Однако хлеб сеяли только три человека: священник Конев, а также Жуков и Бахарев. О. Конев первым расчистил пашню. У него было 40 десятин земли, у Жукова – 8 и у Бахарева – 5. Почва там была глинистая, для повышения плодородия использовали удобрения. Пахали сабаном-«одинарцем». Сеяли рожь, овес и пшеницу. Современник размышлял: «Почему до сих пор березовцы не берутся за пашню, – объяснить не умеем. Может быть, потому, что превратить и небольшой клочок земли в пашню, для этого нужно, раз, затратить немалую сумму денег, а во-вторых, много и долго потрудиться в поте лица: землю прежде нужно очистить от пеньев, кореньев и каменьев, тогда только свободно пойдет «одинарец». Березовец же более легкими способами заработает кусок хлеба: наковыряет «скварцу» и на толчею, – глядишь и сыт! Золотишко всегда можно добыть, а хлеб, ведь, такой продукт, который не может быть произведен во всякое время года».

Бывшие мастеровые (причем не только Березовского завода) были больше склонны к занятию скотоводством, чем земледелием. Так, в 1868 г. у березовцев насчитывалось: лошадей – 817, крупного рогатого скота – 1243, овец – 468, свиней – 17, коз – 45. В 1882 г. было уже 937 лошадей, 1415 голов крупного рогатого скота, 543 овцы, 112 свиней и 250 коз.

Кроме того, березовцы занимались ремеслами, например, производством кожаной обуви, многие работали на золотых промыслах. «Упражнялись» они также в изготовлении ящиков, трубок, горшков (в Березовском заводе действовали 3 «горшечных заведения»), а также кирпичей (было 2 «кирпичных сарая»)⁴².

Периодика привлекала внимание читателей, прежде всего, к большим проблемам современности. Так, в одном из номеров «Екатеринбургской недели» поднимался актуальный для жителей Кизеловского завода вопрос об устройстве местного кладбища. Один из местных жителей рассказывал, что первоначально кладбище находилось недалеко от завода, за прудом. Однако управление княгини Абамелек-Лазаревой закрыло его и отвело взамен новое место – версты за две от селения. Место было сырым, а земля каменистой. Местные жители неоднократно, но безрезультатно ходатайствовали перед правлением об отводе другого места. В августе 15-го числа 1881 г. этот вопрос рассматривался на волостном

сходе, на котором было принято постановление просить Уральское товарищество об уступке для кладбища небольшого участка земли в Кизеловском руднике (вблизи Кизеловского завода), принадлежащего товариществу. Два депутата от общества ходили для этого в Александровский завод, где размещалось управление товарищества. Однако депутатам был дан ответ о том, что, будучи арендатором, товарищество не имеет права отчуждать находящуюся в его пользовании землю. «Конечно, если взять в расчет, — с возмущением писал кизеловец, — что у княгини Абамелек-Лазаревой в Кизеловском округе земли очень много — более 400 тысяч десятин, — то какие-нибудь 50—100 десятин для кладбища не разорили бы ее сиятельства. Но такая уж, видно, наша судьба, — ничего не поделаешь!»⁴³

Не раз писала «Екатеринбургская неделя» об «антисанитарных условиях» в поселке при Артинском заводе, но «писания» эти «оставались гласом вопиющего в пустыне». Между тем, в артинском приемном покое ежедневно бывало до 100 и более амбулаторных больных, многие лежали по домам. Распространенной болезнью здесь являлся брюшной тиф, были случаи скарлатины с печальными последствиями. «Единственной причиной так упорно держащегося у нас тифа, — писал местный житель, — а с ним вместе и возникновения других заразных болезней, следует, по нашему мнению, считать буквально горы сваленного в центре завода навоза». Много лет подряд навоз и всякие нечистоты сваливались в одно место, являясь «рассадником всевозможных заболеваний», что признавали и местные врачи. При таянии снега и во время дождя «вся эта зловонная жидкость беспрепятственно стекала в р. Арти», отравляя воду⁴⁴.

На страницах газеты критиковалась санитарная обстановка и в таких крупных горнозаводских центрах, каким был Нижний Тагил: «Давно ли, кажется, изданы были наставления от губернского земства в предупреждение холерной эпидемии, между прочим, о том, чтобы соблюдать в селениях строгую чистоту, а между тем, наш завод, имеющий санитаров, мало отличается опрятностью», — свидетельствовал местный житель. Он приводил такой пример: «...В самом центре селения нашего находится пустопорожняя усадьба, с глыбами навоза, принадлежащая администратору земства, стало быть, блюстителю за исполнением мер предосторожности против эпидемии. Вот на этой-то усадьбе сваливаются всевозможные не-

чистоты, которую будто бы и загородить даже означенный хозяин не считает себя обязанным»⁴⁵.

Оставляла желать лучшего санитарная обстановка в Нязе-Петровске. На улицах его, по свидетельству современника, нередко можно было «встретить не только навоз, но и издохших кошек и собак. А в канаву, устроенную заводоуправлением у плотинного прореза для спуска излишней воды из заводского пруда, жители сваливали не только навоз, но даже человеческие экскременты. Все это во время большого скопления воды, весной, растворяется, и эта же настойка употребляется жителями для питья, что, кажется, нельзя признать особенно полезным для здоровья». И в медицинском отношении на заводе дела были неблагоприятны. Земский фельдшер не располагал даже самыми необходимыми средствами. Не было здесь акушерки, роженицы прибегали к помощи повитух⁴⁶.

В той же «Екатеринбургской неделе» писалось о низком уровне благоустройства поселка при Кушвинском заводе. В заметке, опубликованной в номере за 26 марта 1886 г., например, говорилось: «Наше местечко, как центр заводов Гороблагодатского округа, где сосредоточены все чины заправил-администрации, но не один из них, по-видимому, не заботится распоряжением очисткою улиц, по которым до того отвратительно ходить, что на каждом шагу можно рисковать сломать себе ноги. Не буду говорить про улицы, мало посещаемые народом, которые загромождены срубами, бревнами, мостовинником, обрубками леса и т. п. хламом. Но, вот не пойму, как можно допускать такие же беспорядки среди трактовых улиц, особенно на той, которая идет с вокзала, Серебрянки, и др. местечек и пролегает через заводскую плотину на большое расстояние (это же место соединяет обе стороны завода), на ней сложены дрова, и оставлен лишь узкий проход». В весеннее время ситуация ухудшалась. Автор заметки продолжал: «Теперь этот проход, вследствие таяния снега, загроможден обвалившимися дровами, другого же сообщения нет. Обходить прудом теперь, когда лед затопило водой, найдется немного охотников, волей-неволей пешеходам приходится делать акробатические прыжки по дровам». Сделанные в Кушвинском заводе тротуары своевременно не поправлялись: «...По берегу плотины есть тротуар, и с поддержкой он мог быть хорошим сообщением, но почему-то на него махнули рукой. Далее, против склада угля, середина дороги,

для проезда в одну лошадь вымощена бугром, отчего по обе стороны образовались огромные лужи. Нередко темным вечером, заслыша стук экипажа в этом месте и боясь попасть лошади под ноги, пешеход против своего желания испытывает удовольствие холодных ванн этих луж, по колено наполненных водою, несмотря на то, что из них есть водоотводные чугунные трубы, которые следовало бы только прочистить». Рыночная улица, по его словам, тоже «изобиловала грязью и худыми тротуарами, если только можно назвать тротуарами канавы, забросанные жердями и гнилыми досками с провалами»⁴⁷.

Вообще в отношении благоустройства горнозаводские поселки несколько отставали от более крупных городов. Даже Нижний Тагил, по утверждению одного из местных жителей, не мог быть, в данном случае, сравним с городом⁴⁸. В горнозаводских поселках не было водопроводов, канализации и других инженерных сооружений (которые, впрочем, даже в крупных городских центрах на Урале появились только в конце XIX — начале XX в). Как правило, жители поселков обходились колодцами или брали воду из местных рек и ключей. На каждой улице Березовского завода имелись общественные колодцы, из которых жители и черпали воду. Из местной реки даже для хозяйственных нужд воду старались не брать — река была «завалена навозом». В то же время, жители Невьянского завода для домашнего употребления брали воду не только из колодцев, но и из р. Нейвы, а также из четырех общественных ключей⁴⁹.

Актуальной для жителей горнозаводских поселков и во второй половине XIX в. являлась забота о состоянии пожарной части и мерах противопожарной безопасности, о чем, например, писал житель Нижнего Тагила. К тому времени завод располагал двумя или тремя американскими, большими пожарными машинами, которые с машинистами отпускались заводом для тушения пожаров. Кроме того, при волостных правлениях имелось четыре-пять годных небольших машин, а также несколько «кадей, багров и ведер». Что касается штата «огнеборцев», то среди них были два-три вольных извозчика и столько же заводских подрядчиков. «Насколько это ненормально видно из того, — говорилось в газете, — что за последнее время пожары разом стали истреблять ни один и два, а более подряд домов и не потому, чтобы благоприятствовал огню сильный ветер, а потому, что нет команды, нет правильного

распределения рабочей силы при тушении пожаров и активного участия администрации, а равно и потому еще, что мало пожарных снарядов, как, например, заметно было в бывшие два пожара в марте месяце, когда жертвой огня было три дома и в апреле месяце сего года — шесть домов с надворными строениями». Автор заметки обращал внимание на такие недостатки, как отсутствие при заводе трубочистов, отсутствие надзора за исправным содержанием жильцами печей и дымовых труб⁵⁰.

О неудовлетворительном состоянии пожарной части в Нязепетровском заводе писалось на страницах другого номера «Екатеринбургской недели». В январе 1891 г. «для освидетельствования пожарных машин и других пожарных инструментов» из Шемахинского завода в Нязепетровский приезжал гласный Красноуфимского земства. Выяснилось, что на все местное общество (с 1800 домами) приходится всего две пожарные машины и 6 бочек. Машины находились в порядке, но «по своей малочисленности и устарелой конструкции» внушали недоверие к их эффективности. Не лучше обстояло дело и с бочками. Правда, заводоуправление имело в своем распоряжении еще несколько машин. Гласный полагал, что земству необходимо обязать местное общество приобрести несколько новых пожарных машин⁵¹.

Пожары в заводских поселках являлись частым явлением. Внушительным количеством противопожарных средств был, например, обеспечен Нижнетуринский завод, однако и здесь в результате пожара, случившегося 1 апреля 1891 г., сгорело 14 домов. Правда, несчастных случаев с людьми не было, удалось спасти даже большую часть домашней рухляди⁵². «Екатеринбургская неделя» рассказала читателям и о бедствии, постигшем 5 июня 1892 г. жителей Верхне-Уфалейского завода. В 6 часов утра в селении вновь вспыхнул пожар, сгорело четыре обывательских дома из числа уцелевших при пожаре в 1890 г. Этот пожар в очередной раз показал неподготовленность жителей к борьбе с огнем. Пожарная тревога была подана с запозданием, когда огонь уже охватил три дома. Между тем, огонь и дым были видны с любого пункта селения, так как горели строения на его возвышенной части. На момент пожара общественный пожарный обоз оказался «в самом расстроенном виде: три пожарных машины с первого раза отказались действовать и были только свидетелями на пожаре», другие «инструменты» были не намного лучшего качества.

Дело спасала пожарная техника, которая принадлежала самому заводу. Тушением пожара занимались цеховые заводские рабочие, направленные заводом. Остальные обыватели, по описанию современника, «объятые паникой, предпочли занять своих лошадей, собирать и складывать на телеги свой домашний скarb, хотя большинству из них, на самом деле, не угрожало никакой опасности»⁵³.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в целом социо-пространственная структура горнозаводских поселков Среднего Урала во второй половине XIX в. заметно менялась, но главным в ней по-прежнему оставалось центральное производственное ядро. Горнозаводские поселки росли в размерах, ускорялись темпы их застройки, открывались новые культурные учреждения, наблюдались изменения в архитектуре. Однако даже с учетом поправки на специфику газетных материалов (их авторов отличала склонность к крайним оценкам и выводам), можно констатировать, что в деле благоустройства заводские поселения заметно отставали от местных крупных городов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алферов Н. С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960. С. 15–16.
2. Там же. С.14.
3. Екатеринбургская неделя. 1882. 18 августа. № 32. С. 494.
4. Месяц в Березовском заводе // Екатеринбургская неделя. 1883. 14 сентября. № 36. С. 584.
5. Каменский завод. По случаю его 200-летия (1682–1882) // Екатеринбургская неделя. 1882. 16 июня. № 23. С. 357.
6. Нязе-Петровский завод Красноуфимского уезда // Екатеринбургская неделя. 1882. 27 января. № 4. С. 67 – 68.
7. Месяц в Березовском заводе. С. 584.
8. Екатеринбургская неделя. 1886. 23 апреля. № 16. С. 256.
9. Нязе-Петровский завод... С. 67–68.
10. Нижнетагильский завод // Екатеринбургская неделя. 1886. 15 июля. № 23. С. 367; Алферов Н. С. Указ. соч. С.147; Екатеринбургская неделя. 1882. 18 августа. № 32. С. 495; Месяц в Березовском заводе. С. 584; Каменский завод... С. 357.
11. Екатеринбургская неделя. 1886. 23 апреля. № 16. С. 257.
12. Алферов Н. С. Указ. соч. С.15–16, 69, 73.

13. Каменский завод.... С. 357.
14. Екатеринбургская неделя. 1886. 23 апреля. № 16. С. 256.
15. Нязе-Петровский завод... С. 67–68.
16. Екатеринбургская неделя. 1881. 25 ноября. № 46. С. 639–640.
17. Нязе-Петровский завод... С. 67–68.
18. Екатеринбургская неделя. 1886. 23 апреля. № 16. С. 257.
19. Каменский завод... С. 357.
20. Месяц в Березовском заводе... С. 584–585.
21. Екатеринбургская неделя. 1882. 18 августа. № 32. С. 495.
22. Там же. 27 октября. № 42. С. 640.
23. Там же.
24. *Алферов Н. С.* Указ. соч. С. 25, 148, 152.
25. Екатеринбургская неделя. 1891. 7 апреля. № 14. С. 314.
26. Там же.
27. Екатеринбургская неделя. 1882. 18 августа. № 32. С. 494.
- Месяц в Березовском заводе. С. 585.
28. Каменский завод... С. 357.
29. Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы (К 300-летию города). Екатеринбург, 2001. С. 68.
30. Екатеринбургская неделя. 1882. 18 августа. № 32. С. 495.
31. Очерки истории культуры и быта старого Невьянска... С. 191.
32. Екатеринбургская неделя. 1882. 18 августа. № 32. С. 494.
33. Месяц в Березовском заводе. С. 584.
34. *Алферов Н. С.* Указ. соч. С. 154–155.
35. Каменский завод... С. 357.
36. Нижнетагильский завод // Екатеринбургская неделя. 1886. 15 июля. № 23. С. 367–368.
37. Нязе-Петровский завод... С. 67–68.
38. Екатеринбургская неделя. 1886. 23 апреля. № 16. С. 257.
39. Екатеринбургская неделя. 1891. 1 июня. № 21.
40. Там же. 1892. 2 февраля. № 5. С. 95.
41. Екатеринбургская неделя. 1882. 18 августа. № 32. С. 495–496.
42. Месяц в Березовском заводе. С. 584–587.
43. Екатеринбургская неделя. 1881. 23 сентября. № 37. С. 501–502.

44. Там же. 1892. 1 марта. № 9. С. 178.
45. Нижнетагильский завод. С. 368.
46. Нязе-Петровский завод... С. 67–68.
47. Кушвинский завод. 26-го марта 1886 г. // Екатеринбургская неделя. 1886. 9 апреля. № 15. С. 238.
48. Нижнетагильский завод. С. 367–368.
49. Месяц в Березовском заводе. С. 546–547; Екатеринбургская неделя. 1882. 18 августа. № 32. С. 494.
50. Нижнетагильский завод. С. 367.
51. Екатеринбургская неделя. 1891. 3 марта. № 9. С. 185.
52. Там же. 7 апреля. № 14. С. 314.
53. Там же. 1892. 21 июня. № 24. С. 494–495.